
День – это синие буквы на белом,
Ночь – это белые буквы на черном.
Птица-печаль на плечо мое села,
Сумерки бледным пером обреченно
Чертят по зеленоватому краю
Неба, и тают прозрачные знаки,
Контурсы гаснут, и день умирает,
Как Одиссей, не достигший Итаки.
Пусть небеса за окном все темнее,
Лампа под шелком горит золотистым,
Свет ее гонит тоску и сомненья,
И на листе нежно-палевом чистом
Я оставляю тебе эти строки,
Светлые, как облака на востоке.

В ИНДИЮ

Осень

Извини – не пишу, замолчала...
Не найду для себя оправданий.
Поздней осени злое начало
Часто располагает к молчанью.

Тьма дождливая лижет окошко,
Ночь ползет по асфальту улиткой,
Мятых листьев последние крошки
Подбирает ноябрь за калиткой.
И представить никак невозможно,
Что за Каспием, за Гиндукушем
Теплый ветер касается кожи,
И гуавы зеленые груши
Спеют возле местечка Варкала,
И листва шелестеть не устала.

Про слона

Мне не нужно ни шелка, ни бус,
ни браслетов,
Ни колец, ни платков винно-красного
цвета,
Привези мне слона в разноцветной попоне –
Небольшого, чтоб мог он стоять на ладони,
Чтобы мог между вазочкой из терракоты
И китайскою лампой пастись без заботы,
Не рискуя порядок на полке разрушить.

Буду я в его мягкие грустные уши
О мечтах своих тайных рассказывать

Привези мне слона или лучше слониху.

Спор

Под покровом гигантской акации,
Среди тысячептичьего гама
Я врываюсь в твои медитации
Со своею идеей упрямой.
Сквозь попытки достичь просветления
Обращаюсь к тебе электронкой.
Электрических слов извержение
Разрушает холодный и тонкий
Слой покоя, и ты, сожалея
О моем неразумии странном,
Нажимаешь «стереть» на дисплее
И уходишь обратно – в нирвану.

*«Вянет лист. Проходит лето. Иней серебрится...
Юнкер Шмидт из пистолета хочет застрелиться»*

А. К. Толстой

Шутки в сторону – лето летит под откос,
И листва на ветру опадает.
Если солнце с утра, значит, крепнет мороз,
И седеет трава, увядая.
Я, как юнкер безумный, готова к виску
Приложить вороненое дуло.
Так сложи мне скорей в утешенье строку
Про весну, что всего лишь уснула.
Расскажи мне про то, что опавшей листвы
Возвратятся замерзшие души,
Чтоб коснуться небесной живой синевы,
Чтобы зябликов пение слушать.
И вернуться всё те же трава и цветы,
Что встречали нас радостно летом,
И ничто не уйдет в черный зев пустоты –
Сочини мне скорее об этом.

Гуляли в садах и на рынках Алжира,
По Африке полной тягучего света
И темного жара – как песня поэта.
Слова его слаще хурмы и инжира,
Сочнее даров безмятежного лета.
А он их бросает на ветер – транжира,
И ждет, что ему из незримого мира
Послушное эхо доставит ответы –
Сплетение древних мелодий восточных,
И краски, что ярче персидских эмалей,
И образов вспышки, как выстрелы точных.
Он смотрит и видит прозрачные дали,
И падает свет от луны полуночной
С небес на ремни его старых сандалий...

ВОСПОМИНАНИЕ О БОЛХОВЕ

А. Е.

Речка Нугрь дремала под мостом –
Подвесным, качающимся, длинным,
Облако оторванным листом
В синеве парило над старинным
Городом, лежащим на холмах.
Льнули к их бокам сухим и древним
Чуть живые тихие дома.
Но тянули старые деревья
Кроны к небу – только не достать
До него. Лишь колокольня смело
Возносилась, чтобы край креста
Мог коснуться высшего предела.
Чтоб колоколов тугая медь
Ясную раскачивала твердь.

Стихи – такая искренняя ложь.
Но что такое правда, в самом деле?
Что мысли обитают в брэнном теле,
Что этот день на всякий день похож...

Что радость нам обещана весной,
Что это только тень передо мной,
И ты меня не видишь... Но послушай:
Какая-то мелодия звучит
Над нами без естественных причин,
Порядок дней и расстояний руша.
И я ее пытаюсь повторить,
Забыв, что тени слов неуловимы,
Как облака, что проплывают мимо,
Как лунного луча живая нить.

*«Давай, поедem в Питер в декабре,
Когда замерзнут реки и фонтаны...»*

Наталья Гавеман

В декабре можно в Сочи, в Гурзуф,
В Шарм-эш-Шейх, что у Красного моря,
Я же в Питер тебя увезу,
Где фонтаны замерзли от горя,
Где деревья ослепли от тьмы,
Заберу и не сопротивляясь –
Вдоль Невы прогуляемся мы
Под метели жестокую сальсу.
А Рыбацкое... Помнишь, как там
Нас сдувало порывом норд-оста
И тащило куда-то к шутам –
Крезанутым шутам девяностых...
Над коростой неровного льда,
Над каналов замерзшею сетью
Как легко мы летели тогда –
Унесенные временем дети.
И опять, как цветной парашют,
Память о невозвратных событиях
Увлекает на север, маршрут
Намечая сквозь сумерки в Питер.

Ночное небо выбелено снегом,
Деревьев изменились очертанья,
И замерли, охваченные негой,
Чужие необщительные зданья.
Но теплый свет фонариков над нами
Не потерял задора и накала,
И каждая снежинка под ногами
Сияние его преумножала.
По тысячам огней неспешным шагом
Мы шли и попадали в ритм круженья
Тяжелых хлопьев над архипелагом
Кварталов в этот час преображенья.

СЕСТРЕ В КРЫМ

Хмурый февраль где-то пахнет рассадой...
К нам долетают тепла отголоски –
Чудится запах ожившего сада,
Влажной земли и медвяного воска.
Это Таврида – забытое слово
Вновь возвратилось из долгой разлуки.
В снах я туда попадаю и снова
Грею о камни замерзшие руки,
Глажу шершавый хребет Аюдага,
Вижу, как синим безоблачным полднем
Белый Ай-Петри уходит зигзагом
В небо, не зная, что я его помню.
Что ж изменилось? – ты спросишь,
сестрица. –

Те же меж нами лежат километры,
Путь перекрыла двойная граница,
Птицам оставив свободу и ветру.
Знаю... И все же не поршни мотора
Нас приближают друг к другу, а память –
Память хранят эти старые горы,
Мы ее тоже не смеем оставить.

*Редакционный совет сердечно поздравляет
Елену Витальевну Ковалёву
с юбилейным Днём рождения!*